10 ЯНВ 1958

Комсомольская правда
г. Москва

Большой, умный друг

(К 75-летию со дня рождения А. Н. Толстого)

ДАВНО нет среди нас Алексея Николаевича Толстого, но продолжают жить его мысли и чувства, отлитые в яркие художественные образы.

Пятнадцать томов стихов, рассказов, повестей, романов, пьес, киносценариев, сказок и статей — вот наследство, которое оставил писатель советской культуре. Эти книги — плод почти сорокалетнего труда — наглядная иллюстрация того, какие огромные возможности для развития таланта и свободного творчества раскрыла Великая Октябрьская социалистическая революция.

А. Толстой не раз писал о том сложном, подчас мучительно противоречивом пути, которым он пришел в советскую литературу. Эти высказывания дополняет публикуемый сегодня отрывок из статьи «Задача: создание истории эпохи», затерявшейся в газетах 1930 года. В статье писатель говорит о первом периоде своего творчества, начавшемся в годы реакции после поражения первой русской революции, вспоминает, как много дало ему русское народное творчество.

«Черные дни» в дооктябрьском творчестве А. Толстого, о которых он пишет, наступили потому, что он оставался в среде, где не могли или не хотели слышать голоса единственно революционного класса — пролетариата. Поэтому писатель и не увидел вначале в дымящихся развалинах царской России всей величайшей исторической справедливости и гуманизма пролетарской революции. Но никогда не меркнувшая любовь к Родине и родному народу привела А. Толстого в ряды строителей нового общества.

Утверждение писателя, что «великие идеи и дела должны создать великую литературу», блестяще подтверждено примером его творчества. В советский период в полной мере раскрылся талант А. Толстого, и он создал произведения, которыми по праву гордится литература социалистического реализма: монументальную эпопею — трилогию «Хождение по мукам», трехтомный роман «Петр I» и многое другое.

Все, что мешает человеческому счастью, вызывало гнев и негодование А. Толстого. Он был гуманистом, человеколюбцем, твердо верившим в то, что человек рождается для счастья.

И он боролся словом своим со злом и насилием. В художественных произведениях и в публицистике он разил капиталистический строй и порожденный им фашизм. Еще в 1925 году в романе «Гиперболоид инженера Гарина» писатель разоблачил бредовую философию фашизма и стремление американских королей промышленности к покорению мира. В тридцатых годах с трибун международных конгрессов в защиту мира и культуры раздавался голос А. Толстого, призывающий к отпору тем, кто готовил кровавую бойню.

В период Великой Отечественной войны статьи, очерки и рассказы А. Толстого были полны острой боли за страдания Родины, жгучей ненависти к врагам, твердой веры в советского человека, для которого и невозможное возможно.

Второй публикуемый отрывок взят из сохранившейся в архиве А. Н. Толстого рукописи. Это, по-видимому, набросок приветствия комсомолу, отмечающему свое двадцатилетие. Здесь писатель напоминает юным о речи В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи» на III Всероссийском съезде комсомола. Он называет комсомол «первым строителем коммунистического общества», подчеркивая постоянную готовность комсомола горячо откликаться на призывы партии, первым идти на выполнение задач, которые она ставит перед советским народом.

Мысли, высказанные в этом отрывке замечательным писателем, большим, умным другом молодежи, актуальны и в наши дни — дни непрекращающейся борьбы за чистоту коммунистической морали.

Ю. КРЕСТИНСКИЙ.

А. Н. ТОЛСТОЙ.

Статья без заглавия

20 лет назад Владимир Ильич говорил об электрификации страны, без чего невозможно построение коммунистического общества. Это достигнуто. Лампочка Ильича загорелась по всей нашей необъятной стране. Сейчас стоит задача, чтобы лампочка Ильича загорелась в сознании каждого чтобы не было души человеческой в семье наших народов, не озаренной знанием, культурой и высокой нравственностью лампочки Ильича... Это прямая задача комсомола. 20 лет назад Владимир Ильич во всю силу поставил вопрос о нравственном воспитании. Нравственность, мораль — это та духовная электрификация всего общества и в первую голову комсомола, без чего невозможно расти и крепнуть без чего невозможно строить коммунизм.

«Нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов». Когда комсомолу говорились эти слова, соотношение сил было иное... Тогда в России еще были живы и бытовали формулы буржуазной морали, тогда еще пылала классовая борьба и формулировки новой, коммунистической морали еще только прозвучали из уст Ленина. Тогда, вне России, во всем капиталистическом мире, было живо и бытовало, хотя уже сильно растрепанное мировой бойней, идеалистическое представление о сдерживающей силе «вечных законов морали».

20 лет спустя коммунистическая нравственность является основой поведения каждого гражданина нашего Союза. Мы уже не мыслим себя иными. Перед нами высокая цель, и все наши действия подчинены движению к ней. Мы ищем дальнейшего углубления и развития нашей новой морали.

В боях на озере Хасан японцы ужаснулись силе нашей военной техники, но быть может, они еще больше ужаснулись бесстрашным и яростным ударам нашей пехоты... На озере Хасан столкнулись новая, коммунистическая нравственность со старой «моралью» гниющего буржуазного мира, схваченного колючим ошейником фашизма.

А впрочем, на сегодняшний день буржуазный мир вышвырнул все остатки бытовавшей идеалистической морали. Он открыто и цинично объявил в силе действующими одни только «законы большой дороги»: грабь, бей, насилуй, лги, предавай. Буржуазное общество в свои предсмертные годы стало настолько страшным что, например, во всей художественной литературе его, кроме казенно-фашистской, не раздается ни одного писка в защиту существующего положения вещей.

За двадцать лет народы нашего Союза перешли на другой берег — из старого мира в новый... Можно ли успокоиться на том, что живем мы справедливо нравственно и счастливо?.. Нет, далеко нет... Старый мир свирепо гложет камни наших непоколебимых границ. Буржуазный мир — как при осаде римлянами Карфагена — швыряет из катапульт через наши стены гниющие трупы... Внутри нашего нового общества немало еще пережитков этого старого мира, немало и заражаемых буржуазной падалью... Такое явление, как непродуманное и непрочувствованное зазубривание коммунистических формул, и разрыв между «идеологией» и практикой жизни невозможны в нашем обществе, но они существуют. Задача комсомола — изживать это вредное явление.

Весь ужасающий комплекс явлений бюрократизма: сведение умственно-нравственной деятельности общественного работника к бездушному прохождению бумажного потока записок, резолюций, отчетов, стенограмм и так далее: подхалимаж как гарантия безопасности на жизненном пути, подхалимаж как усладительное состояние ленивой души, похрапывающей в благодушии; невежество и чванство,— всему этому нет места в нашей жизни. И на все эти позорные явления должны [быть] направлены моральные штыки комсомола, идущего в атаку на высоты человеческой культуры.

В новом обществе не должно быть лжи, и ее не будет, потому что лгут только те, у кого нечистые помыслы. Лгут трусы... А им нет места среди общества, готового к бою за освобождение человечества.

Вопросы бытовой и семейной морали остро поставлены в нашем обществе, и удары по нарушителям семейной и бытовой нравственности должны быть беспощадными. Мы не должны испытывать стыда за поведение наших граждан. Стыд — мучительное и скверное чувство, и мы не хотим быть с ним знакомы.

Комсомол — первый строитель коммунистического общества. Велики и обширны задачи, стоящие на сегодняшний день перед ним: овладеть всем современным знанием, суметь превратить идеи коммунизма в жизнь, во все ее сложное многообразие, кончая самым главным — нравственным обликом человека...

Задача: создание истории эпохи

Русская народная поэзия, народ, как творческое начало,— вот что отомкнуло во мне первые источники творчества (стихи, сказки). Второе — трагикомедия остатков погибшего дворянского класса,— все эти либеральные чудаки, вымирающие зубры, деклассированные господа, сохранившие от былого величия подусники и красный околыш. (Никогда не забуду поездку по разоренным имениям Симбирской губернии, давшую материал для повести «Приключения Растегина»). Все это было взглядом в прошлое, как всякое прошлое — подернутое очарованием сновидения.

Затем наступили самые черные дни в моей художественной жизни: я повернулся к настоящему. Помню и посейчас ощущение бесцельности, раздробленности, какой-то слякоти... Я взглянул как художник, и жизнь ухмыльнулась омерзительной рожей... Это был дом без хозяина, где всякий делал что хотел, а в общем гадили по всем углам (массовые самоубийства, кружки оргиастов). Народ продолжал безмолвствовать. В деревне разбухал кулак, в городах — международный спекулянт. Заводы и недра земли скупались иностранным капиталом. Голос пролетариата почти не долетал из-за фабричных стен. Россия заживо разлагалась перед войной.

Когда в 1926 году я собирал материалы для собрания сочинений, меня поразил общий налет безнадежной тусклости на моих вещах периода 1912—1914 годов. Почти ничто из этих вещей не вошло в собрание. Да, не уйти было от окружающей среды: как аукнемся, так и откликнемся, — в этом величайший закон диалектики искусства.

И, наконец, треснуло сверху донизу это зачарованное царство. Война, революция, гражданская война. Старая Россия лежала в дымящихся развалинах. На освобожденных от мусора полях началась неизмеримо более трудная борьба за осуществление социализма. Моему художественному сознанию пришлось сделать огромный скачок. Я начал работать по эту сторону революции; у меня был скромный баланс довоенного бытописания и вера в то, что великие идеи и дела должны создать великую литературу.

Вначале я столкнулся с вполне естественным недоверием и недоброжелательством. Что привело его сюда? Кто он — скрытый враг? Холодный наблюдатель? Или просто приспособившийся? Я чувствовал это недоверие, но не отвечал на него. Не писать же было писем о своей искренности! Я ждал того времени, покуда во мне самом,— не в уме моем, но в моих художественных ощущениях, в художественном подсознании, в художественных рефлексах,— не овеществилась, как реальность, как понятие высшего добра, вера в строительство социализма наперекор всему миру. На этом творческом пути, я чувствую пойду далеко, и мои книги будут тяжелы, как из свинца: в них наш непомерный труд, наши страдания, надежды, борьба, достижения и уверенность в том, что мы строим новое жилище человечеству.

Мне возразят по существу творчества. Выходит как будто так, что я определяю место художника не впереди, а где-то в самой гуще двигающейся массы иными словами, узакониваю некоторое его отставание...

Бывают времена рождения идей (середина девятнадцатого века), бывают времена их осуществления (наше время). Задачи художественного творчества различны. В первом случае высшим признаком художника будет способность идеотворчества, во втором — собирание в художественное целое разбросанности бытия, или создание истории эпохи. Что осталось от трехтысячелетней жизни какой-нибудь империи Хеттов? А древняя Эллада,— благодаря своим художникам, запечатлевшим ее гений,— по сей день живет в наших зданиях, в искусстве, философии, науке.

История нашей жизни, озаренной строительством социализма,— почетная задача для художника. У нас часто смешивают в одно задачи прозаика и поэта. Этого делать не нужно. Задачи поэта иные, он — певец, тот кто впереди с песней о будущей славе. А наше дело — громоздкое: услышать все, ощупать все, понять все и по данным создать выдуманный мир, более реальный, чем сама реальность.

Алексей ТОЛСТОЙ.